

ПЕРВАЯ ПЛАВКА

Московский профессор живописи стоял среди уральских берез на берегу Белой и наблюдал, как его тезка, Хабаров, работал над новой картиной. Он сидел на пенке за мольбертом, раскрыв возле себя этюдник, который ему подарили на III пленуме Правления Союза художников СССР.

Посмотрите, восхищался невысокий седой, не по годам подвижный учитель Хабарова, — какая высокая рыхлая скала на том берегу! А на скалу вскарабкалась небольшая коренная береза. Может быть, она уже столет там стоит, встречая восход солнца, провожая закат. Она принимает на себя любую непогоду. Ей, конечно, есть что рассказать, есть что вспомнить. А внизу, у подножия скалы сидит рыбак. Все это вместе — готовый, неговорящий этюд. Нарисуйте контуры четко, заметно, черными красками, — учил его Константин Мефодьевич Максимов. — Чаще смачивайте ватман. Рядом река — там воды много. Не бойтесь, все ненужное смоеется.

Константин Филиппович Хабаров всю жизнь рисует акварелью на сухом ватмане. Слушая замечания большого мастера, он немного оробел, но через несколько уроков вдохновился.

Знаете, Константин Мефодьевич, мне хочется в своей картине рассказать о молодом доменщике. Помню, после окончания индустриального техникума при-

шел к нам в цех довольно робкий, худой, среднего роста паренек. Начал он работать у меня четвертым горновым. Прошло полтора года. Многие говорили: недолго твой Боря протопчется возле огня. А я, зная его грамотность в нашем деле, спрашивал их: «Вы что, его в непригодные зачислили?»

Сердцем понял — парню нужно дать возможность пошевелить мозгами. Доверил сварить плавку, а сам незаметно наблюдал за ним. Он открыл чугунную лентку, и пошел металл — результат его труда. На наших глазах рождался настоящий доменщик, который почувствовал себя хозяином огненной реки. С годами он стал мастером. В настоящее время работает за границей. Скоро вернется в Магнитку. А пока пишу его по памяти.

Помните одно, — сказал Максимов, — на первом плане — рабочий со своей судьбой, со своим настроением, а все остальное — фон, дополнение.

Он внимательно рассматривал будущую картину знаменитого доменщика, потом сказал: — Это будет великодушное творение! У вас и в живописи накопилось много плавков.

Но после ваших уроков — это первая! — улыбнулся рабочий художник, смачивая губкой ватман, на котором вырисовывался портрет доменного мастера Бориса Тимофеевича Черномырдина.

Эвальд РИБ.

Р. Мустакова, которую вы видите на снимке, — солистка и руководительница танцевального татаро-башкирского ансамбля левобережного Дворца культуры металлургов. Огромная любовь к танцевальному искусству сделала ее страстным пропагандистом национального танца. Танцы, которые она поставила с коллективом, всегда тепло принимают зрители.

Фото Т. АКУНЬЯНОВА.

Муза, рожденная в огне

Видимо, далеко не случайно человек берет за перо: или в сложных жизненных ситуациях, или в моменты возвышенного состояния души, или в добром лирическом настроении. Хочется разобраться в себе, в окружающем мире, просто высказаться. В литературное объединение приходит рабочий. Приносит стихи о своей работе, о товарищах. Это всегда и радует и настораживает. Радует потому, что именно на такой благодат-

ной почве, какой является единение музыки, огня и металла, зачастую вырастают крепкие поэтические деревья; настораживает же потому, что известно немало случаев, когда, спекулируя на рабочем звании, поэт делал главную ставку на публикации и отказывался от той углубленной и самоотверженной работы над собой и, словом, оставался и угасал на определенной (чаще всего — низкой) стадии литературного мастерства.

В данном случае не хотелось бы давать скорых оценок. Стихи машиниста разливного крана третьего мартеновского цеха Василия Скребкова скажут сами за себя. Мне только хочется верить тому добродушному и искреннему чувству, какое озаряет эти строки, рожденные у огня. Хочется верить, что если у Скребкова-металлурга есть бескорыстное и горячее желание стать Скребковым-поэтом, то в достижении своей цели он

будет так же тверд и последователен, как тверды и последовательны в стихах его чувства. Хочется верить, что он выберет себе путь, достойный его поэтического чувства — сложный, тернистый, многотрудный. В этой уверенности больше всего поддерживает старая истина: муза, рожденная в огне, должна пройти любые испытания.

А. ПАВЛОВ,
член Союза писателей СССР.

Василий СКРЕБКОВ, машинист разливного крана мартеновского цеха № 3

Созвездие Прометея РОССИИ

Мой язык, быть может, грубоватый, но зато от сердца говорю. Как махоркой делаются солдаты — я с тобой судьбу свою делю. Ты сильна — и нет меня сильнее. Ты в печали — и невесел я. Если солнце пашни твои греет — значит солнце греет и меня. Я с тобой все радости и беды разделю, судьбы не торопя, как делили их отцы и деды в трудный час, Россия, для

тебя. Коль беда — я встречу у порога. Если боль — всю изопью до дна. У меня с тобой одна дорога, у меня с тобой судьба одна.

МАРТЕНОВЦЫ

Мартеновцы — каленые ребята. Все, как один, что надо, на подбор. И мне б с утра до самого заката вести о вашей славе разговор. О сменах трудных, жарких по накалу, когда иссушит горло вязкий зной — так жадно губы тянутся к бокалу с холодной газированной водой. Здесь нет людей с холодными сердцами. Не всем под силу трудовой настрой.

А слабые — они уходят сами, не выдержав закалки огневой. Здесь все начала светлые

в потоках стали, в душах пролегли. Мартеновцы — властители стихии жить без огня наверно б не смогли.

Я жил не зря, дела мои — порука.

У вас учился дружбой дорожить. А жизнь, она ведь, брат, такая штука, ее уже не сможешь повторить. Той дружбы прочность я познал в работе, и нет ее дороже для меня, когда она замешана на поте, когда она калится у огня.

РАЗЛИВЩИКИ

Бывают смены летнею порой напряжены до точки, до предела, и от металла жар идет такой,

что сквозь спецовку обжигает тело. А печи все неистовей шумят, мол, побыстрее готовь ковши и чаши. И вот пролет наш заревом обжат, идет металл и с ним заботы наши. Уж тут крутись, чтоб не было беды, такая у разлильщиков работа. И литры наспех выпитой воды. Выходят из тебя ручьями пота. Стучит в висках, на тело давит зной.

И нелегко, но знаешь — это надо... Здесь за металл ведет нелегкий бой вторая наша дружная бригада. С площадкой рядом плещется металл. Его сейчас в изложницы разлили, и он кипит, сердиться не устал, что с ним бесцеремонно поступили.

В разводях белых спины у ребят — то слоем соль на куртках проступила, в глазах зарницы пламени горят, и в мускулах буграми ходит сила.

Вглянись на них, взгляни со стороны: любой награды все они достойны. И коль в таких руках судьба страны, за будущее можем быть спокойны.

МОЙ ГОРОД

На свете много разных городов, больших и малых, с разной судьбою, а я свою судьбу связал с тобою и в жизни все с тобой делить готов.

Люблю твои просторные кварталы, Огней вечерних отблески в пруду, когда, отдав всего себя труду, не торопясь домой иду усталый.

Люблю весенний праздничный наряд твоих проспектов, разогретых солнцем, что щедро льется в каждое оконце и зайчиками ослепляет взгляд.

Когда идет после работы смена, с веселой шуткой, крепкою порой,

мне в каждом встречном видится герой, сменившийся от знойного мартена. И мне другой не надо стороны, здесь мой завод, что флагманом зовется. В нем, как часы, стальное сердце бьется и гонит сталь в артерии страны.

***

Война. В цехах работали и жили. По зову сердца жили, не речей. Ведь рубежи победы проходили через огонь мартеновских печей. Был каждый день накалом равен году.

В жестокой схватке выстоял народ, чтоб правда в мире делала погоду и к светлой дали нас вела вперед.

Такая в мире сила не бывала, чтоб в час суровый нас сломить могла, коль в каждой капле грозного металла душа народа русского жила.

Последний бой — и танк на пьедестале напоминаем злобному врагу, что нет прочней магнитогорской стали, в боях сразившей черную орду.

ВЕШНЕЕ

Как солнечный весенний день, скользнет по роще тихо тень от облака, плывущего по небу, меня печаль моя найдет, под сердце тихо западет, напомнит край, где так давно я не был.

А там — черемухи разлив, все так же клен могуч, красив, под окнами у старенького дома.

Там мама старая живет, с тоской в глазах, меня все ждет, и крестится, боясь все так же грома.

А мне б ее к себе прижать, а мне бы старый клен обнять и замереть у отчего порога.

Я с нею бы поговорил: как трудно эти годы жил... А утром уведет опять дорога.